Начфин

Валентина Васильевна Чудакова

SHOUT
SHARE
IT

- Чудакова Валентина Васильевна

Чудакова Валентина Васильевна Начфин

Валентина Васильевна Чудакова

Начфин

В августе сорок первого на Северо-Западном фронте, как и везде, шли жестокие оборонительные бои местного значения. На нашем участке фашисты со страшной силой рвались к узловой станции Дно в надежде перерезать южную железнодорожную магистраль на дальних подступах к Ленинграду.

Полки нашей кадровой дивизии держали оборону на промежуточном рубеже на реке Шелонь.

Я числилась при штабе дивизии на неопределенном положении, как несовершеннолетняя. Так себе - "девочка на побегушках": перевяжи, подбинтуй, позови, подай, помоги. Да мне-то что? Всем стараюсь угодить, лишь бы в тыл не спровадили.

Вызывает меня наш комиссар товарищ Бойко и спрашивает:

- Чем ты, Чижик, занимаешься?

- То есть как это "чем"? - растерялась я.

- Кем числишься по боевому расчету? - уточняет комиссар.

- Да никем! - отвечаю и, не зная, куда он гнет, на всякий случай добавляю, что зря солдатский хлеб не ем.

- Знаю, - соглашается Василий Романович, - ты у нас молодец. Мы тебе должность настоящую подобрали. Назначаем тебя ординарцем к товарищу начфину. Понимаешь, человек он не первой молодости - трудно ему себя обслуживать. Помочь надо.

- Есть быть ординарцем товарища начфина! - отвечаю по-уставному, однако без всякого энтузиазма. Тоже мне должность!

А комиссар поглядел на меня как-то особенно пристально да и говорит:

- Одно условие. И вот какое. Ты своего начальника не обижай. Уж очень ты у нас языкастая.

- Да что вы, Василий Романович! - возмущаюсь. - Как можно обижать начальство? Да еще человека втрое старше себя?

На том мы и покончили. Прихожу я в баньку на курьих ножках, которую начфин под свою резиденцию занял, и докладываю, как положено. А у товарища начфина и глаза вспучились.

- Здрасте, - говорит, - я - ваша тетя! Только мне тебя для полноты счастья и не хватало.

А я только руками развожу (понимаю, дескать, но и вы поймите):

- Приказ есть приказ! - Да и спрашиваю вежливо, какие будут распоряжения на первый случай.

- Никаких, - хмуро отмахнулся мой начальник и, подумав самую малость, предлагает:

- Иди-ка порезвись, пока затишье.

А уж какое там затишье, когда пушки рявкают где-то совсем рядом, за Шелонью пулеметы неумолчно скворчат, а над штабом "юнкерсы" рыскают: то тут бомба грохнет, то там.

- Нет уж, извините, - отказываюсь. - Лучше вы сами погуляйте, пока я тут порядок наведу.

- А у меня и так порядок, - вроде бы обиделся начфин.

- Порядок-то порядок, - возражаю осторожно, - однако...

На щелястом полу окурков - хоть граблями выгребай, банные лавки грязные, а солдатский котелок черней черного.

Не стал спорить мой начальник и, прихватив свой пузатый портфель, куда-то ушел. Я мельком подумала: "Вот что значит нестроевик. Все командиры ходят с полевыми сумками и планшетками, а он, чудак, - как на гражданке".

Наломала я ольховый веник, пол начисто замела, оконце протерла, лавки вымыла. Нагребла из-под каменки золы и котелок до блеска выдраила. А больше и делать нечего. Так началась моя новая служба.

В общем-то мой начальник оказался человеком симпатичным: добродушный, вежливый и не придирчивый по мелочам. Однако со странностями. Во-первых, он донельзя рассеян - всегда что-нибудь теряет: то платок носовой, то ремень, то усядется на собственную пилотку, а я ее ищу. А то очки вдруг вздыбит на рыжеватую полуседую шевелюру, и опять у нас идут поиски.

Не теряет товарищ начфин только свой портфель: солидный, как и он сам, туго набитый, с лоснящимися потертыми боками, на двух замках замысловатых. И этот свой "чемоданчик" мой начальник никому не доверяет. Во время сна употребляет вместо подушки, работает на нем, как на столе. И даже, смешно сказать, носит его в такое место, куда положено безо всего ходить. Так ни на минуту из рук и не выпускает. Нельзя!

Я уже знаю, что в портфеле не только все личное имущество начфина, но и деньги. Не свои - казенные: денежное довольствие личному составу полков. И каждый день мой начальник их зачем-то пересчитывает и меня помогать заставляет.

Однажды он мне и говорит:

- Фашисты упорно наседают. Дела наши не ахти. Ни к чему нам при себе такую прорву деньжищ носить. Мало ли что может случиться. Надо срочно раздать деньги прямо на переднем крае. Война войной, а порядок есть порядок.

Ну что ж? Надо так надо. Однако, прикинув в уме, сколько же нам понадобится времени на эту операцию при медлительности начфина, я присвистнула: "Маменька родненькая! Так это будет "срочно"! Или начальство нам холки намылит, или фриц где-либо прищучит!" Но высказать свое сомнение я не решилась.

По подходам к переднему краю почти без интервалов хлещут вражеские минометы, отсекая наши резервы. С каждым залпом мы с начфином "носом землю пашем", а едва пролетят горячие осколки, поднимаемся, как по команде. И опять ложимся. Бежим. И даже ползем. Начфин тихонечко охает за моей спиной, жалуется в пространство: "Ох, сердце..." Он дышит мне в затылок, как паровоз под парами, но не отстает! Молодец. Чуть впереди меня отфыркивается и отплевывается наш сопровождающий - молоденький парнишка из разведроты. В секунды затишья он вполголоса, но зато от всего солдатского сердца так кроет Гитлера и присных его, что я затыкаю уши пальцами, а начфин возмущается: "Фу, срамник!.."

И вот перед нами Шелонь. Не широкая, не глубокая, но вброд не перейдешь. А вода речная совсем коричневая, как кофе без молока. Берега тут очень крутые. С берега на берег повис игрушечный мостик, а по нему фланкирующим огнем фашистские пулеметы режут, да так, что от резных перилец щепки в воду летят.

- Ложись! - скомандовал начфин.

Легли. И опять встали. Сквозь толстые стекла очков мой начальник глядит на меня вопросительно и тревожно: "Что делать?" В ответ я молча пожимаю плечами.

- Но ведь надо же идти, черт возьми!

- Надо, - соглашаюсь.

- Может быть, обойдем? Правее возьмем? Или левее?

- Не знаю. Карта у вас есть? - интересуюсь.

- Да откуда? Что я, строевик, что ли?

- Так как же обходить наобум? К фрицам запросто затешемся...

- Да-а, - неопределенно протянул начфин - и к разведчику: - Веди на другую переправу.

- Другой нет.

- Так как же наши-то переправляются?

- Днем никак. Только ночью.

Я не верю и вступаю в разговор:

- А если вот приспичит, как нам сейчас?

Разведчик невозмутим:

- А коль приспичит - так вплавь. Пули-то воды не достают!

Тут и я соображаю, что свинцовые струи текут только по

полотну мостика, а речную гладь - мертвое пространство - берега укрывают. "Вплавь так вплавь", - решаю я, не советуясь с начальством. Передаю свой облегченный кавалерийский карабин разведчику и протягиваю руки к портфелю:

- Давайте перевезу. Я хорошо плаваю.

- Ой, нет! - Начфин заключает свое сокровище в охапку - силой не вырвешь.

- Что "нет"? - не понимаю я. - Мне ж способней.

- Нет, ни в коем случае! Это же деньги! А если утопите? Отвечаю-то я.

Я соглашаюсь:

- Хорошо, везите сами. Плывите первым, вон на тот ракитовый куст держите. Мы, в случае чего, подстрахуем.

- Нет! Не могу. Никак не могу!

- Что "не могу"? - утрачиваю я терпение. - Трусите?

- Не смей меня оскорблять, девчонка! - В голосе начфина слышатся слезливые от обиды нотки. - Я... я... плавать не умею...

- Тьфу! Так бы сразу и сказали! - От моей былой вежливости теперь уж и следа не остается. - Битый час толчем воду в ступе...

Начфин бурно дышит, но молчит. Я советуюсь с разведчиком:

- Друг, ты как плаваешь?

- А тут и плыть нечего. Раз-два - и там.

- Тогда так: я перевожу портфель. Ты - оружие. Потом оба переправляем товарища начфина. Лады?

Разведчик еще ничего не успевает ответить, как мой тихоня начальник взрывается бомбой:

- А меня вы спросили, мудрецы этакие?! Я вам тут что - ноль без палочки? Ишь придумали - деньги вплавь да еще на том берегу без охраны кинут! Не позволю!..

Разведчик валится лицом в траву и хохочет, а я злюсь. Честное слово, обоих бы прибила! Кричу:

- Заткнись, разведка! Нашел время... Валим через мост. Живой ногой. Товарищ начфин идет первым.

- Хорошо, - вдруг неожиданно покладисто соглашается мой начальник и, втянув голову в плечи, довольно проворно семенит к мостику. Пули гнусавят и щелкают, завывают на разные голоса: "Фьють, фьют, ий-о-у!.." И мы с разведчиком нетерпеливо подгоняем начфина: "Шире шаг!"

На том берегу, в трех шагах от мостика, он вдруг со всех ног падает лицом в покос. Сердце тревожно замирает: "Убит!" Нет, живой! Приподнявшись, рукой нам машет. Тут срываемся мы и несемся во весь дух. И едва успеваем за мостиком отдышаться, начинается светопреставление: на покинутом берегу, как раз на том месте, где мы только что базарили, начинают густо рваться

мины.

Вскоре мы добрались до КП одного из батальонов и приступили к работе.

Мы выдаем денежное довольствие "по всем правилам": я отыскиваю в ведомости фамилию получателя, ставлю карандашом красную птичку на полях, отсчитываю положенную сумму и передаю ее моему начальнику. Тот дважды пересчитывает и только тогда выдает, предварительно убедившись, что роспись поставлена на месте.

Сидит товарищ начфин в сомнительном убежище, как в мирном своем кабинете, и в ус не дует. Не торопится. И даже, кажется, не замечает, что творится там - наверху, на улице. От частых и мощных взрывов наша землянка вздрагивает, лампа-гильза моргает и пыхает, песок с потолка течет прямо на непокрытую голову начфина (пилотку он успел потерять).

Наш разведчик сам с собою от нечего делать "язык чешет":

- Вот возьмет "в вилку" да ка-ак трахнет...

Начфин - ноль внимания, как и не слышит, а я укоряю:

- Ну и болтун же ты! Чего бездельничаешь?

- А что я должен делать? - огрызается парнишка. - Плясать?

Я протягиваю ему опорожненную флягу:

- Сбегай "в разведку" - воды добудь. Во рту пересохло. Да каску для товарища начфина пошукай. Вот тебе и дело.

Бойцы и командиры приходят к нам по очереди. При оружии и в касках, прямо из-под огня. Измученные, прокопченные порохом и дымом. И не видно на их лицах оживления, как в день получки на гражданке в мирное время. Ни улыбки. Ни шутки. А один командир-верзила так "пошутил", что у моего начальника от обиды очки с носа сорвались.

- Братцы-кролики, - громыхнул он басом от порога, - никак вы совсем озверели? Какой это вас сюда бес принес, не помазавши колес? Тут у нас и ад и рай - бесплатные.

На обратном пути мой начальник сказал мне, тяжело вздохнув:

- Я, мой друг, вчерашний бухгалтер, для них - не фигура! Не герой. Так сказать, ближний тыл - сфера обслуживания...

- Так-то оно так, - согласилась я. - Но как бы на фронте обходились без интендантов, комендантов, писарей да поваров?

- Да уж ладно, - сам себя утешил начфин, - как-нибудь переживем. История потом рассудит.